

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.485.2

КРИТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК

© 2012 г. Л. И. Щербакова

Южно-Российский государственный технический университет (НПИ)

Раскрывается роль критерия жизненных шансов в характеристике потребительских практик малообеспеченных и бедных слоев россиян, приводятся данные социологической диагностики о настроении и оценках этих групп населения. Уточняется взаимообусловленность стабильности общества и социального самочувствия критических групп.

Ключевые слова: *жизненные шансы; потребительские практики; депривация; маргинализация критических слоев.*

In the article author reviews the role of «chances for life» criterion in characterizing the poor groups' consumer practices in Russian society. The results of sociological diagnostics, which describe these groups' mood and appraisal, are also presented. The correlation between the social stability and these «threatened groups'» social feeling is specified.

Key words: *chances for life; consumer practice; deprivation; marginalization of the «threatened groups».*

Процессы дифференциации и иерархизации в российском обществе обуславливают внимание к потребительским стратегиям поведения отдельных социальных слоев и групп, поскольку они отражают стиль, уровень и качество жизни новых социальных сообществ, процессы интенсификации разобщенности между богатыми и бедными. Как подчеркивал Т. Веблен, смена социального статуса, социальная мобильность влечет за собой изменение образа жизни, потребительских практик индивидов, поскольку они объективно ориентированы на подтверждение своих социальных позиций.

Современные отечественные исследователи предложили новые подходы к изучению социальной стратификации российского общества, один из которых опирается на критерии уровня жизни. В их числе — критерий

жизненных шансов в сфере потребления, учитывающий широкий спектр не только денежных, любых экономических — имущественных, жилищных и т. д. ресурсов, но и возможности удовлетворения группами потребностей в саморазвитии, медицинской помощи, общении, рекреации и т. п. На основе этого было определено, что в России 59% населения характеризуются тремя основными параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и «в состоянии малообеспеченности» [1, с. 164–168]. Эти группы населения можно отнести к группам, которые находятся в критической ситуации. Имеется в виду, что представленным группам присущи стратегии выживания, ориентация на удовлетворение минимальных социальных потребностей и использование ресурса вынужденной экономии.

Несмотря на некоторые сдвиги в развитии социальной сферы, связанные с ростом точечной поддержки, повышением качества и объема потребительской корзины, расширением коридора возможностей в поиске и обеспечении работой, критические группы имеют тенденцию к расширению, находятся в состоянии нисходящей социальной мобильности, риска спуска на «социальное дно».

Дело в том, что сформировавшееся в 90-е годы двадцатого века модели выживания исчерпали себя: жизнеобеспечение критических слоев, которое поддерживалось практиками теневой занятости, нерегулярных заработков и предоставления пособий органами власти на муниципальном и федеральном уровнях, обнаружило неэффективность. В условиях углубления социальной поляризации, воспроизводства бедности работающих слоев, и, не менее важно, внедрения модели потребительских практик возрастает степень относительной и абсолютной социальной депривации критических слоев.

Если состояние выживания не сопровождается сравнением с другими социальными группами, демонстрирующими успехи и удовлетворенность материальными благами, сохраняется ресурс терпения и привыкания к критической ситуации. Когда критические группы оценивают свою жизненную ситуацию по худшему из возможных вариантов, тому, что они далеки от уровня «жить не хуже других», создаются предпосылки формирования социального гетто, социальной эксклюзии, утраты каких-то значительных жизненных перспектив.

Модель общества потребления играет роль инструмента замещения социальной консолидации, внешне стимулируя активность достиженческих, успешно адаптированных групп, одновременно продуцируя эффекты социальной зависти и социального недоверия. Ориентация на материальное благополучие, ценности социального микроуровня, сужает жизненные горизонты; исчезает желание действовать по принципу общественной полезности и социальной эмпатии к другим социальным группам, прежде всего, оказавшимся в критическом состоянии.

Как свидетельствуют результаты социологического исследования «О чем мечта-

ют россияне» доминирующая установка на «жить не хуже других» (53% опрошенных) означает, что происходит не только приземление мечты, но и ее сведение к стандарту усредненности [2]. Россияне реально оценивают свои жизненные шансы как, в основном, зависящие от собственных усилий, от опоры на себя, исходя из реальности рисков потери здоровья, работы, неопределенности ситуации в стране в целом, им не свойственно завышение социальных ожиданий.

Социальный портрет тех, кто живет без мечты, как пишут авторы исследования, является определенным в том, что три четверти — это бедные и малообеспеченные россияне. Характерно, что объединяющим признаком «мечтателей» и «не имеющих мечты» является очевидный отказ от возвышенных жизненных целей, связанных с социальной уверенностью, уверенностью в будущем.

Можно констатировать, что критические слои в российском обществе действительно находятся в состоянии социальной изоляции, так как в контексте реализуемой социальной политики им отводится позиция социальных аутсайдеров, для материально обеспеченных слоев населения свойственны боязнь попадания в группу «неудачников» и использование стигматизации в виде ярлыков «лености», «пьянства», «безынициативности». Критические слои, и это является тревожным обстоятельством для социального самочувствия, воспринимаются виновниками собственного положения и на них возлагается ответственность за сложившуюся критическую ситуацию.

Между тем, в обществе, вполне сформировался запрос на социальную справедливость, понимаемую как равенство возможностей, что разделяется 59% респондентов. Очевидно, что для большинства россиян неприемлемым является принцип «равенства доходов» и в этом смысле общество нельзя упрекать в стремлении к уравниловке. Выбор варианта равенства возможностей является компромиссным, содержащим, с одной стороны, легитимацию сложившихся неравенств как отчасти справедливых, зависящих от индивидуальных качеств и усилий, и, с другой стороны, отторжения «избыточных» социальных неравенств, основанных на использо-

вании доступа к экономическим, властным, образовательным ресурсам.

Критические группы в контексте обозначенной позиции имеют право на возможности социальной и профессиональной карьеры, на уход из состояния депривации путем предоставления им возможности самостоятельно работать и зарабатывать, реализовать имеющиеся или сформировать профессиональные и социально-мобилизационные ресурсы. Вывод из состояния социальной инклюзии определяется правовой и экономической гарантией со стороны государства и тем, что российское общество обязано осознать деструктивные последствия роста критических групп для социальной консолидации российского общества.

В этом смысле модель потребительского поведения блокирует возможности диалога и достижения согласия по поводу нейтрализации и минимизации последствий формирования критических групп, во-первых, воспроизводством социальной апатии и ограничения социальной инициативы, смещения социальной энергии в пользу потребительства, во-вторых — стимулированием настроений приобретательства, ставящих критические группы в статус «заслуженно обойденных».

Важно, что критические слои в российском обществе находятся под влиянием потребительских практик. Это выражается в том, что нередко скромные ресурсы используются для приобретения социально-престижных вещей, попадания в кредитную яму и игнорирования инвестиций в будущее (затрат на образование, здоровье, культурные запросы).

Возможно, именно в силу доминирования в массовом сознании россиян потребительских установок, ведущих к «безответственному индивидуализму», критические слои в обществе находятся в состоянии постоянно воспроизводимой социальной зависимости с предпочтением материальных признаков преуспевания. Очевидным является тот факт, что большинство россиян уверены в том, что ничего существенного за последние годы добиться не удалось.

На наш взгляд, в формировании стереотипа «стагнационности» важную роль играют потребительские практики, включая значительные слои в «гонку за материаль-

ными благами и услугами». Демонстрируется «серость» достижений, связанных не с качественными изменениями, возможными в результате повышения образовательной, квалификационной, мобильной ресурсобеспеченности, а с чрезмерными затратами на приобретение вещей, подверженных устареванию в результате влияния моды или физического износа.

Критические слои сталкиваются с тем, что улучшение условий их жизни недостижимо, если ориентируется на престижное потребление. Притом, что хорошее образование и качественное здравоохранение становятся все более недоступными, потребительские практики деформируют структуру потребности и резко снижают возможности реализации позитивной жизненной модели, соответствующей возможностям самореализации личности и ее включения в социально самодеятельную жизнь. Можно предположить, что в российском обществе осознаются альтернативы модели потребления, но сохраняется общая тенденция рассматривать уровень потребления как наиболее значимый показатель удовлетворения жизненных целей.

Применительно к критическим группам, можно считать типичной ситуацию «предопределенности неравенства шансов»: существующие различия в доходах и потреблении влияют на настроения в этих группах имобилизирующе, усиливают чувство недостижимости жизненных целей на основе легитимных жизненных стратегий. Недостаточным является предоставление этим людям минимального прожиточного минимума: необходимо, чтобы потребительские практики перестали быть поведенческим стандартом, жизненным алгоритмом. Обратной стороной данного положения может стать резкое ограничение возможностей детей из бедных семей в достижении того, что могут себе позволить их сверстники из иных социальных слоев, а это, в свою очередь, вызовет сокращение притока талантливой молодежи в экономику страны, что существенным образом отразится на ее экономической мощи.

Именно в связи с этим российское общество испытывает дефицит объединяющих социальных ценностей, соответствующих вполне очевидным реальным установкам на гармонию с самим собой, интересную

работу, высоконасыщенный досуг. Другой момент, определяющий позиционирование альтернативных непотребительских практик, состоит в перемене горизонтов жизненного планирования, в осознании того факта, что критические группы населения являются не просто «согражданами», а от их состояния зависит то, каким будет реальный уровень общественной стабильности, общественной безопасности.

Подчеркнем, что существование критических групп является вызовом будущему российскому обществу, целям благосостояния и развития. Остроконфликтная социальная среда не может быть «отменена» путем воздвижения социальных и культурно-информационных барьеров, замалчивания про-

блем критических групп на властном уровне и в медиапространстве. Несовместимость интересов российского общества и внедряемой модели потребительства, очевидно, в том, что фактически не осуществляется «проект среднего класса» и, вместе с тем, процесс маргинализации критических слоев принял более разнообразные и вызывающие формы.

Литература

1. Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). — М.: Новый хронограф, 2011. — 672 с.
2. О чем мечтают россияне? (размышления социологов). Аналитический доклад. — М.: Институт социологии РАН, 2012. — 181 с.

Поступила в редакцию

12 октября 2012 г.

Лидия Ильинична Щербакова — доктор социологических наук, профессор, проректор по образовательной деятельности Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Автор исследований по проблемам социологии наёмного труда и другим проблемам социальных институтов и процессов.

Lidia Ilyinichna Shcherbakova — Ph.D., Doctor of Sociology, professor, pro-rector for the educational activities at Southern Russia State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Author of numerous works, devoted to actual problems of hired labor sociology, and other problems of social institutions and processes.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-54-20; e-mail: socis_srstu@mail.ru